

91944

М-349-н у тырына, Исско

М-349,5-н-у.

Наськы украин
ськы казкы

М-349,5 н у.

91944

V.N. Karazin Kharkiv National University

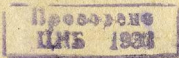

00168899

9

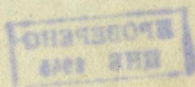

УКРАИНСЬКІ КАЗКИ.

Матвеевский

Якъ у насъ , якъ у насъ — пѣсьни да
казки :
Послухайте , добры люды , зъ вашои
ласкы. . .

Въ Университетской Типографіи.

М-349,5-н.у.
на сь кы

~~М-292-н.к~~
34

КРАИНСЬКЫ

КАЗКЫ,

ЗАПОРОЗЬЦЯ ИСЬКА
МАТЫРЫНЬКЫ.

2407
ЗАНРЕСЛЕНО

БІБЛІОТЕКА

Українського Інституту
МАРКСИЗМУ - ЛЕНІНИЗМУ

МОСКВА.
РОКУ 1835.

1935

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаіи пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. Москва, Октября 19 го
дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

**МАТЕРИ МОЇЙ РИДНЕНЬКІЙ,
НЕНЬЦЬ СТАРЕНЬКІЙ ,
КОХАНІЙ, ЛЮБІЙ**

УКРАИНЬ.

WATERBURY, N.H.

RECEIVED

NOV 10 1881

J. W. P. H. E.

— „Дывись! Дывись! Осёсь й
 наши зъ музыкамы! Се що-сь
 да не просте: або-жъ весілья,
 або-жъ яка нѣмецька чудасія! За-
 порожець зъ Казками! . . . Чы не
 зъ неба оце, пане куме, винъ до
 насъ звалывся? Трохы, бацьця, на
 ше похоже! Ишь ты й самъ, по-
 здаровъ Боже, знаешъ, що у насъ
 на Украинѣ давно-давно перевелыся
 ци башьковы хлопци: теперъ ни-
 где й духу ихъ не пахне . . . И
 опъ-же, глянь, дывись, хочъ въ

VIII

обое, що шуша въ письмѣ спойшы:
 „Наськы казкы, Запорозыця Пська
 Матырынкы.“ А що? Убий, якъ
 кажущь-шо, да й выиграй! Умры
 да й оженыся!... А говорять лю-
 ды, — я самъ, своимы ушыма, не
 разъ чувъ —: „Чы чорнѣ выдавъ,
 щобъ вѣдьмидь щебешавъ?“ „Одже
 щебече!“..... „Да ще якъ щебече?...
 Все понаськы, понаськы! Слухай,
 лышень, мій голубе сызый!... Пу,
 ша ты въ школѣ вчився; беры да
 чыпай на здоровячко! Свое, не чу-
 жее! Не бійсь, не кыслыця, а, на
 впрямъ, куды пивоя годыщця зъ
 сыромъ й паланыця!... Разъ по
 пашь вершаюсь назадъ, чышаю не
 начышаюсь, гляжу не нагяжусь —
 шаке ласе!... Дяковашь, багацько
 дуже дяковашь, небожу Запорозыцю,

IX

що хочъ винъ за насъ оспупывся
 зъ домовыны видхвашывся, на сей
 свѣшъ ввалывся, ша й ну балака-
 пы зъ живымы якъ зъ мершвымы:
 мовъ бы, кажы, николы не вми-
 равъ!... Мовъ мижъ своимы браша-
 мы сыдышъ въ куцьцѣ де-нибудъ въ
 степу, розказуе, покы каша варыць-
 ця, свою чередню Казку, або похо-
 деньку, або яку небельцю, а шѣ —
 ни гугу! Заслухалысь щебетанья
 писля свого Козацького лешанья.
 Ничого сказаць: имъ и влося по-
 нимъ лучше! А шамъ — впаць
 за ше-жъ: часшесенько не зпям-
 няця було, якъ й свѣшъ къ имъ
 зъзикрадеця... А мы-жъ, мы? Що
 робымо мы шеперь, дома й на госпо-
 дѣ? Що мовать про насъ наши вну-
 чаша? „Дѣды наши, — скажущь

воны,—сидѣлы собѣ, да шилькы гавы,
 ловылы!...“ „Опшакъ! За всѣ голо-
 вы!... Хыбажъ, оце, наша неня Украи-
 на шакъ зъ глузду зсунулась, що вже
 ни мешельци не потаньцюе, ни
 козачька зъ парубкомъ не прогар-
 цюе? Ой ни, пане куме, вона хоча
 й спаренька, да все таковы ще геть-
 що моторненька . . . А дѣшны ин?
 Хыба й воны зледащили? Хыба
 воны забулы, якъ колы-сь весело
 бурлаковалы, хвацько козаковалы,
 въ Крыму й на Дону чумаковалы?
 Хыба мы й доси ще не згадуемо
 свого Башька Богдана,

Якъ Польщу винъ, колы-сь, прощывъ,
 Де ни піймавъ Ляхивъ, — душывъ?

Якъ наши козаченькы всюды
 залицялысь: въ Волощынѣ, Туре-
 щынѣ, Нѣмещынѣ, Крыму, на Сы-

XI

нимъ морѣ и по шимъ боцѣ моря,
якъ шій свѣшлыи соколоньки про-
свѣщались? — Або й шеперь, хы-
ба вжебъ шо мы перевчылыся воё-
вашы? Дарма, що въ шій пѣснѣ
спѣвають :

Давже шабли заржавѣлы,
Мушкетеры — безъ куркивъ . . .

Слухай, що далѣ?

„А ще сердце козацькее

Не боицьця Туркивъ! . . .“

Бачъ? Не боицьця Туркивъ! Да
не шильки Туркивъ, й самого най-
спаршого чорша, Пане-браще! . . .

Або, хыба шаки мы не хороше
живемо? А де, лышень, знайдешъ,
ты шаки розмаишньи пѣсни, що
шильки зачуешъ, шакъ сердце шо-

бѣ ходоромъ и заходыть, заплѣ,
 замлѣ, серденька просыть. . . Та-
 кую хлѣбъ-силъ, такихъ дѣвонѣкъ
 и парубящъ? Де, на свѣтъ, шакъ
 балакають? Нибы въ рошъ шобѣ
 кожне слово кладуть. Де спилькы
 казокъ, приказокъ, загадокъ и
 всякои всячины? . . . Я вже мовчу
 про нашу землю, про наши поля,
 сады, лугы, степы, рѣчки, про
 наше збѣжжя Що и доси
 нихто не схаменецьця, не гляне
 да не подивыцьця на сее? Мій Бо-
 же, Боже! Чымъ же мы прошко-
 дылись? Хыба - жъ - що вже у
 насъ душа зъ лопуцька, не хоче
 того, чого и людська? . . . Ни!
 ни! Въ гостяхъ добре, якъ-то
 кажуть, а дома-ще лучче.

XIII

Чы, може, хочете дождацьця, щобъ
лкий врагъ неспруженный нашою
бацькивщиною поживывся? Насъ
же да нашымъ же добромъ почаспо-
вавъ? Улизъ у солому да ще й
шелыспышь? А, здаецця, неза-
баромъ шее буде. Бо, що-сь, не
передъ добромъ, якъ я бачу, сякы-
паки, немазаны хверпыкы шля-
юцьця часпесенько уже промижъ
намы. Глядишь, лышень, щобъ
воны зъ нашего жъ хвороспу да
не загнулы намъ якои чуденной кар-
лючкы! Опъ-шо-шо буде сорому-
сорому, за всѣ головы сорому!..» (*)

(*) *Прим. Корректора.* Сими словами
Панъ Голова намѣкаетъ на нерадѣніе
своихъ соошечесшвенниковъ къ собранію

Оттакъ , неспеметно , бала-
кавъ у себе у господѣ , зъ Выбор-
нымъ , своимъ кумомъ , Варвынсь-
кый голова, Десько Тарануха, кото-
рому я для прочшенья давъ оцъ-
ци, якы ни е воны, Казкы,—компо-
нованья шоварыша и кума мого,
Запорозьця Пська Машырынкы. Де
и що винъ шеперь? сёго вамъ я
не скажу; бо й самъ не знаю; знаю,
пилькы, що винъ, якъ бувъ собѣ
непосыдачый, рокивъ шистъ шому
назадъ , дуже бажавъ якъ - нибудь

и изданію Украинскихъ народностей.
Сѣшование его, конечно, не безъ основанія;
ибо легко можешъ случисься, что и
здѣсь, какъ и во многихъ другихъ зе-
мляхъ, кто-нибудь изъ поспороннихъ
предупредишь ихъ на семь поприщѣ.

XV

пробрацця або за Дунай, або на
Тамань, икъ своимъ брашамъ, ко-
закамъ-орламъ. Одъ того часу я
уже бильше ёго не бачывъ. Може
винъ де-нибудъ и пануе, — дай-то
ёму Боже! а може, козакъ — не-
вдаха, на чужынъ горюе, або-жъ
забышый лежышь,

На купыиъ головою,

Накрывъ очи муравою,

А пиженькы осокою,

Бьмы ручки густыною,

Ясне лычко кыпайкою;

Въ головонькахъ воронъ кряче,

А въ ниженькахъ коныкъ плаче! . . .

Доходывся, докозаковався, покы

паки, якъ шой жовшый лыспъ,

на землю звалывся; оженився, не-

бижъ, —

XVI

Да понявъ собѣ паняночку —
Въ чыстимъ полѣ земляночку;
Куды й вѣтеръ не вѣе
И сонце не грѣе
Безъ виконецъ и безъ дверецъ —
Тамъ спышь козакъ — молодець

Якѣ бы шо ни було, чы живѣ, чы
вмерѣ винѣ, а я, щобѣ панняшь
ѣго не зусѣмъ слызла зъ свѣша,
задумавъ выпечашапы, на первый
почынь, ци ѣго казкы; а шамъ,
колы воны прыйдуцьця понушпру
нашому козацству, — якѣ Пану Го-
ловѣ, — выпечашаю ище дещо ѣго жъ
робошы. Правду мовышь, кумъ мій
ничого самъ на папирѣ не клавъ;
але булы добры люды, що вы-
слухавшы було его казанья, або
спѣванья, пислѣ того записывали

XVII

Зыркъ пошимъ собѣ, — ажъ шаки
гешь-шо, гешь виршованья ёго
набралоя! . . . Налагодывшысь оди-
слапы Казкы въ печашню, довго
я мудровавъ, дебъ мынѣ въ свѣ-
пюньку досташы шой пачепортъ
(якъ - шо водыця по вѣмъ усю-
дамъ), щобъ, бува, якый-нибудь ца-
рынный (*), не заставывъ ихъ кры
своеи царыны глаголы чыпашы,
бо, якъ въ шій пѣсьнѣ спѣваюшь:

(*) *Примѣч. Корректора.* Можешъ
бышь, книга эша попадется въ руки и
не - Малороссійнѣ; для шаковыхъ
считаємъ нужнымъ замѣшшь, что
царыною называются въ Украинѣ сель-
скіе шлагбаумы; аѣшомъ строишся око-
ло ихъ шалашъ, въ кошоромъ кочуешъ,
въ продолженіе всего аѣшна, но боль-

XVIII

Добре було да чумаковашы, помы всю-
ды було ривно,
А по вже через пыи лагпорты да й
ходыпы не вильно... (*)

Воно бѣ й самому можна вымудру-
вашы що-нибудь похоже на паче-
поршыкъ, бо шакы й мы колысь
рокивъ зъ дванадцять попоперлы
порогы въ Переясловськѣй Бурсѣ,
и де-що розумѣлы, — да, призна-
ця, вся ша дурныця, якъ прышлося
одружыцьця, дымомъ зъ козацкои

шей часпи старикъ, именуемый ошъ
шого *цариннымъ*. Онъ сморпиль,
чтобы всегда были заперты вороша,
чтобы скошъ изъ селенія не бѣжалъ въ
хлѣба, и пр.

(*) См. *Укр. нар. пѣсни*, изд. М. Макси-
мовичемъ, спр. 174, No 46.

XIX

голови вышла : вы самы знаєте
що жонапый,

Якъ той горщычокъ щербатый :

Зысподу кыпыть , зверху збѣгае,

Де ни повернецьця — добра не мае...

Така вже, мабушь, наша доля!.....

Разъ йдучы за однимъ дѣломъ до
свого кума, Пана Головы, я ще
въ сѣняхъ зачувъ , що мій Лесько
що-то дуже зъ кимъ-сь розбала-
кався : опъ я й ну на пидслухы
(щожъ? и се, инколы, не ва-
дышь!....), — ша й выслухавъ все
це, що оп-шущъ попередъ сѣго напы-
савъ . . . на чію-шо голову? . . .

Чы воно добре, чы ни, про те пись-
менны нехай шямлять. Яжъ шиль-
кы прымовлюсь шуща , що колы
буде чія ласка , чышайте, на-

XX

бильше, шеперь, выбачайте; а
лучче всёго, на чужый коровай,
якъ-шо кажушь, очей не порывай
а свій дбай. . . .

I. B.

М. Варва.

1834.

КАЗКА

ПРО ЦАРИВЪ САДЪ ДА ЖЫВУЮ

СУПИЛОЧКУ.

А Ж А Ж

Лучше свое латане, вижь чужее
хвалане.

УКРОМНО

Чуже добро бокомъ выльзе...

Якъ живъ собѣ Царь да Царыця,
Да не було у ихъ дѣшей,
Опъ, бѣдныи, и ну журыцьця,
Давай пыпаты знахорей:
»Скажишь намъ, добры люде,
Чы, справди, въ насъ не буде
До вѣку вѣчного дѣшокъ?
Чы, може, шилькы се на срокъ...»
—»Не бѣдкайтесь!» имъ дѣдъ говорыть,
»Царыця швидко - худко родышь,
Царевъ батьку прѣхъ сынивъ:
Пзъ ихъ два будуць розумъ мѣты,
А претій, — нѣгде правды дѣшы, —

Що жъ? дурень! шакъ, бачъ, Бигъ судывъ!...
 Якъ винъ сказавъ, шакъ и зробылось :
 До року пры сыны родылось ;
 Роступъ, нибы зъ воды идупъ ,
 Де, въ Бога, сылу шу берушь . . .
 Не шакъ якъ мы ростемъ годамы ;
 Воны — не днямы, а часамы :
 Ще вчора кожый бувъ хлопя ,
 Сёгодні глянь — хороший парубя.
 Якъ выхоръ пай по полю прецьця —
 Куды спрѣло, куды брыло :
 Такъ кожый зъ ихъ, якъ розсвѣло —
 За зайцемъ на конѣ несецьця ;
 Або заглядѣвъ дычину, —
 Повзкомъ, повзкомъ, ша зразу — гу!...
 Не те — зъ дѣвчапымы пустуе ,
 Умѣспѣ зъ нымы пѣсьни пне ,
 На досвѣпкахъ загадки гне ;
 А дурень? — Крейдою маглое ,
 Знай, коныкы все на пецѣ ,
 Або изъ жыппа робыть греблю ,
 Або, кошыпѣ, вамъ, шовчучы ,
 Якъ зъ неба вгрѣецця объ землю! . . .

Въ Царя бувъ дуже гарный садъ ;
 Винъ бильше всего нымъ кохався ;
 И бильше всего велычався ;
 Та й прыбранный бо бувъ гараздъ !
 Тамъ яблука росли и глывы ,
 И Шпанськы ягоды , и сливы ,
 И хвыты , виноградь , орехъ ,
 И опельсыны , и калына ;
 Черемха , дули и малына ;
 Та хто ихъ въ Бога счыслить всехъ ?
 Поричкы , агрусь и суныця ,
 И вышнии прыдцяпы сорпивъ ,
 Шовковыця и полуныця ;
 А скількы всюды пѣхъ цвѣпиль !
 Кануперь , мняпа и нагидкы ,
 И крученны панычи ;
 Зинзиверь , царскіи боридкы ,
 Що розцвѣтаюць у ночи ,
 Оксамыть , пѣвныкы , любыстоць ,
 Нечосы - панночкы цвѣлы ,
 Биждерево и козий мыспыкъ ,
 Зъ барвинкомъ слався по землѣ ;
 Тамъ красовався чорнобрывець ,

Жовпогарячий рись гвоздыкъ,
 Цвѣтъ Королёвый — гордельвещъ,
 Бузокъ и чоловѣчій вѣкъ;
 Пивонія и конвалія,
 Троянда, руша и шевлія;
 А ппашокъ, ппашокъ на гилькахъ!
 Мій Божоньку! — поглянуть спрахъ!
 На ѳдному чыжъ, щыголь спѣвають,
 Тамъ соловейко голосышь;
 Тупть канарейка верещышь,
 А памъ гракы свою кругляють!
 Угору жайворонокъ вьещця,
 Ось орлыця по мылимъ бьещця,
 Тупть пугачъ и зъ своимъ — пугу!
 А памычкы бугай — бугу! . . .
 Зозуля жалибно ковае,
 По грядкамъ пава похожае . . .
 Нихто у садъ шой не ходывъ,
 Опречь Царя, копрый водывъ
 И по въ ряды-годы, Царыцю;
 Тоди, бувало, ростелють
 Якъ снѣгъ шой бѣлу скаперныцю,
 Сѣго, шого имъ принесушь

(Свою щобъ пидкрѣпыпы душку) : И
 Сметаны , пирожкивъ , яецъ ,
 И меду золошый корецъ ,
 Родзынкивъ , ягидъ на закуску .
 Часпенько Царь тупть оддыхавъ
 Прыпавъ Царыцѣ на колѣнця ,
 Тыхесенько винъ засыпавъ ;
 Се бачывшы , поди цариця ,
 Плапочокъ въ бѣлы ручки взявъ ,
 Нымъ мухъ одъ ёго одганяла ,
 Або ёму головку ськяла ;
 Короче : саду , вамъ , тому
 Немае ривни и въ Крыму :
 Ёго ни здумаць , ни згадаць ,
 Не пилькы въ казыцѣ розказашы

И що жъ ? Де ни визьмысь кабанъ ;
 Зыркъ — въ садъ опивничъ чымчыкуе ! . . .
 Поглянешъ враньци : садъ - майданъ !
 Не мовъ бы сонню лѣпть пуспуе ! . . .
 »Хто кабана того убье
 (Було объявлено усюды)
 Тому пивъ-царспива Царь дае

И первымъ по Царевъ буде.
 Сперва охотныкивъ нашлось;
 Пишмы—даба! не удалось!
 Не те, щобъ ничною порою
 Кабанъ уже въ саду не рывъ,
 Ни! наши сплять! Мовъ ихъ рукою
 Хто, справди, мершвою обвивъ!
 И скилы въ садъ пой ни ходылы,
 А кожый день, вамъ, те-жъ якъ те жъ!
 Що туша ты робыть дочнешъ?
 Опъ, накинеть, Царя просылы
 Два спаршыи ёго сыны,
 Щобъ имъ у садъ пишы дозвольтъ;
 Царь думавъ, думавъ, та й уволытъ!...
 Помирковавшыся одны,
 Въ походъ мерщише знярядылысь;
 Але, сердягы, якъ ни былысь,
 А кабана такы й воны,
 Не шилы, щобъ ёго убышы,
 Не довелось й поглядышы!
 Опъ дурень напоследокъ спавъ
 Просыщя въ садъ: »Гай-гай, небоже!
 Царь, смѣючысь, ёму сказавъ

«Куды таковы побѣ?... А може!...
 Пущипь! не хай ёго иде!...
 Пишовъ нашъ дурень: жде - пожде;
 Вже пивничъ опть: винъ не дримае;
 Колы, ажъ ось — кабанъ чухрае...
 Тыхисинько шась-шась, хрюкъ-хрюкъ!...
 И шильки зъ дурнемъ поривняся,
 Якъ той, хвапывъ ружьицю, — пукъ!...
 Кабанъ предъ нимъ такъ и розпла-
 тався!...
 Тупъ дурень вспавъ, разъ-два зглянувъ,
 На землю сивъ собъ кры ёго,
 Та незабаромъ після того,
 На безголовячко, и заснуеъ.
 Опть спаршый брапть къ ёму прыйшовшы,
 И спячого ёго найшовшы,
 Одъ разу — хряпъ, да шильки и живъ!
 И добру вырившы могилу,
 Чыспесенько ёго зарывъ,
 А памъ запрѣгшы въ визъ кобылу,
 Звалывъ на неи кабана,
 И прямо къ баптьковъ въ будынкы.
 Царъ вѣру нявъ, и - все, до дна,

Общане, до волосынки,
Оддавъ ёму

Проходитъ день, другой, недѣля, И
А памъ ище — опъ спало двѣ;
Въ брашеубійника — весилья
А дурня, охъ! забулы всѣ!
И пилькы бѣ-шо ёго могыла
(Якъ въ пій спѣваюць пѣснь намя),
У полѣ зъ въпромъ говорила! . . .
Опъ разъ, колы-сь, вивчарыкъ памъ,
Вечирнѣи поры икъ рѣцьцѣ,
Свои гнавъ наповашы вивьци:
Гулькъ на могылу — ажъ споишь
Высокая очерешына,
Пряма якъ па въ бору соснына;
Винъ къ ій шуды, да зразу — хвишь! . . .
Попимъ обыспывшы гарненько,
Супилочку скомпоновать
И опъ, упершысь чыпурненько,
Винъ пилькы що на ій загравъ,
Якъ пая й спала промовляшы,
Скрызь слёзы пакъ ёго прохашы:

Да помалу-малу, выгтарыку, грай!
 Да не вразы мого ты серденька вкрай.
 При саду-саду братъ мене вбывъ,
 За того кабана, що въ саду рысь!...

Осповбенѣвъ вивчарь - небижъ!
 Незна, сердечный, що чыныпы;
 Комуъ ни давъ въ ии свѣспѣпы, —
 Слова шобъ все пѣжъ якъ пѣжъ!...
 Тоди подумавъ, погадавши,
 Поплився зъ нею и къ Царю,
 И слугамъ объ собѣ сказавшы
 Прохавъ дозвольтъ вивчарю —
 Предшавъ предъ ёго свѣшлы очи;
 А шѣ ёму — пождашь до ночи
 Видмовылы: „Бо, бачъ, нема
 Царя у себе у господѣ:
 Де-сь зъ ранку їздышь на охотѣ, —
 Царыця зоспалась сама. «
 — «Пуститъ же, хочъ, мене къ Царыцѣ:
 Нехай загра на сій супильцѣ,
 А шамъ за шымъ прыѣде й Царь. «...»

Такъ слугамъ говорывъ вивчарь.
 Царыця гордосты не знала;
 «Введишь ёго» — сказала — «къ намъ!»
 Опъ прыпулыла икъ губкамъ,
 А тая ий такъ й заспѣвала :

*«Да помалу-малу, матусенько, грай!»
 Да не вразы моготы серденька вкрай;
 При саду-саду братъ мене вбывъ,
 За того кабана, що въ саду рысь!»..*

Задумалася писля сёго
 Царыця, и пыпа: „Про кого
 Вона, оцце, мынѣ шакъ грае?..“
 На пору шу Царь знагодывсь;
 „Пу, одже, добре, що лучывсь!
 Ось на, лышень! що заспѣвае
 Тобѣ супилочка оця!“
 — „Ке, галонько, я подивлюся!“
 „Охъ, серденько, я що-сь боюся..
 Така сумна, що й доси я.....“

*»Да помалу-малу, мій батеньку, грай!
Дане вразы мого, ты, серденька вкрай!*

*При саду-саду братъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!...«*

*»— Э, глянь же! Батьку ёго прясця!...
Тупъ, мабуть, що-сь шаке ша е!*

*Хопѣлось бы мынѣ дизацяця,
Чы по чуже, чы по свое! . . .*

*А ну, заграй ище ты, сынку!»
Винъ спаршому проговорыть;*

*Того цыганський пипъ схвапыть,
Не спямывся, якъ й взявъ супилаку: . . .*

*»Да помалу-малу, мій братику, грай!
Дане вразы мого, ты, серденька вкрай!*

*При саду-саду ты-жъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ?...«*

*Ще винъ не вспѣвъ всѣго дограшы, —
Запрясся якъ осыный лыспъ;*

*Куды дѣвася шой и хыспъ! . . .
»Ряпуй!... и — брязнувсь середь хапы!..*

Дышвора, жинка, мапы — въ крыкъ!...

Къ ёму — ажъ коломъ спавъ языкъ!...

Тоди всѣ заразы догадались,

Одъ чого винъ шакъ худко павъ;

«Опъ, бачъ! Хочъ пизно,» — Царь ска-
завъ, —

«А все шакы мы розквыпалысь!...

Не плачыте жъ! Годи!... Жинко! Геть!...

Поганому — погана й смерть!.....»

КАЗКА

ПРО ДУРНЯ ДА ЇГО КОНЯ:

СРИБНА ШЕРСТЫНКА, ЗОЛОТА ШЕР-
СТЫНКА.

БІБЛІОТЕКА

Українського Інституту

МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНИЗМУ

№

9143

Вот и все, что я могу сказать
тебе, мой друг. Ты знаешь, что
я очень люблю тебя, и я очень
грущу, когда тебя нет. Я очень
хочу, чтобы ты был со мной
всегда.

Итак, я пишу тебе
эти строки, и я надеюсь, что
ты получишь их. Я очень
люблю тебя, и я очень
грущу, когда тебя нет.

Эге! Не веѣмъ же въ дурня ѣ вдаццѣ!....

СВѣдѣнія о жизни и деятельности
личности

СВѣдѣнія о жизни и деятельности
личности
1913

Колы-сь, давно, живъ чоловѣкъ;
А якъ давно? Щобъ не збрехашы,
Тому проходыпъ сѣмый вѣкъ;
Жывъ-жывъ, прышлося умирашы.
Винъ, якъ и мы, бувъ Хрыспянынь,
Тыеи жъ церкви щырый сынъ;
Дакъ, опъ, передъ смерпельнымъ часомъ,
Винъ одсоборовавшысь масломъ,
Трѣхъ пидзыва къ собѣ сынивь:
»Послухайте мене, лышь, дѣпы!
Якъ вже не спане въ мене сливь,
Глядѣшь, гарненько зхоронише;
Теперь ничего не даю,
А вмершы, васъ я обдѣлю;
Але изъ уговоромъ шреба:

Якъ злѣзе ничъ на землю зъ неба ,
 Вы почередно ико мнѣ
 Тоди прыходьте на могылу ;
 Да пилькы щобъ булы одни , —
 И памъ вамъ дамъ богапспиво, сылу«....
 Сказавъ, хропнувъ и — бувъ такый!
 Сыны (розумныхъ два, якъ всюды ,
 Одынъ, а вжежъ не якъ! — дурный!)
 Якъ всѣ къ имъ изійшлыся люды ,
 Сховалы шапуса свого ,
 И спалы думашъ про ёго
 Послѣдню волю : що почашы ?
 Давай шупъ дурныка прохашы,
 Щобъ къ башьку винъ пишовъ за ихъ.
 •Ишъ ты ничогонько не маешъ ?
 А въ нашихъ жинокъ одныхъ
 Чого , скажы , не насчыпаешъ ?
 Щобъ башько шамъ шобъ ни давъ —
 Твое, бо ты ёго доспавъ!
 Такъ дурня - по вони прохалы ,
 Покры, пакы, ёго вблагалы
 Опъ череду уже женупъ :
 Сшары, малы къ йй выбѣгаюпъ ;

Коровы да быкы ревуць ,
 Теляць дѣвчаша розлучаюць ;
 Опъ зъ поля йдуць гурпомъ женьци
 За нымы косари , гребци ;
 Опъ въ хатахъ всюды засвѣпылы ;
 На улыцю повыходылы
 Дѣвоцькы , хлопци , парубкы :
 Пустуюць , що жартуюць въ волю ,
 Знимаюць зъ мылыхъ спричечкы ,
 Говоряць , шепчуть мижъ собою ;
 Прыпыхнуць , впаць заголосяць ;
 Всѣ парамы побѣ сыдяць .
 «Ану , пора ! Ты опизнывся !
 Гляды : онъ мѣсяць якъ пидбывся !»
 Вспаць дурень , спрепенувсь , пишовъ ;
 Замокля всюды , ни шышырхне ;
 Запыхъ дѣвоцькый перезовъ ,
 Хыба-шо де-не-де що пыкне . . .
 Опъ винъ на кладбыще прыпливсь :
 На крестъ головою схывивсь ;
 Кругомъ-могылы бованіюць , —
 Въ могылахъ-тіи жъ люды плаюць ;
 «Ташусеньку ! опъ одъ-же й я!»

— «Э! дуже добре, сынку, робышь!
 Да, бацьця, черидь не швоя,
 Ты не за себе се прыходышь:
 Бигь буде имь за те судышь,
 Що не схопѣлы навѣспышь . . .
 Ну, слухай же, моя дыпына!
 Теперь пы въ свѣпѣ сыропына;
 Я надѣлю тебе за все;
 Ты чувь: покирнее пеляпко,
 Якъ кажупь-по, двѣ машкы ссе;
 Даю пры волосынкы, серденяпко,
 Оцци побѣ: ихъ бережы;
 Якъ преба буде, прыпалы —
 И спане кинь передь побою,
 То зь срибною, по зь золопою
 Шерспынкою: пупь гране громь,
 А пы влиць въ праве ухо ёго,
 И въ лѣве — выйдешь Королёмь;
 Що забажаешь — буде всѣго;
 Гляды жь мене не забувай!
 Теперь, мій сыноньку, прощай!
 Сказавь — и мовь-бы не бувало! . . .
 Опть незабаромь розсвѣпало:

Изъ досвѣпокъ дѣвчапа шлы;
 Вивчарь гнавъ череду безъ-лику;
 По полю бжолы, знай, гулы;
 Крычалы пѣвщи кукурику! . . .
 Пиднявся дурень, та й побривъ
 Въ господа; кры ворипъ зоспрѣвъ
 Ёго брапъ спаршый, и пымае:
 «Що! якъ?» А винъ, мовъ-бы не знае,
 Попливсь собѣ у хашу

Се дѣялося пры Царѣ,
 Копорого, геть - геть, будынки
 Споялы на крушій горѣ,
 А въ ихъ, и шилькы бѣ-по дыпынky, —
 Одна дочка; сынивъ — Бигъ мавъ!
 Хоть винъ якъ раю ихъ бажавъ;
 Эге! дочка! да ще яка?
 Хороша якъ проянда шая;
 Лице — що сонечко швое!
 Губкы якъ медъ солодки;
 Очыци карый въ нее,
 Дугою надъ нымы бровонькы;
 Прямый пополѣвый спанокъ,
 И соловейка голосокъ;

А кучери по плечамъ выюцця —
 То ризно, вкупочку зберуцця. . . .
 Симнадыццпа пеперь весна
 Одъ роду нашій шла Царивнѣ;
 Багацько свапалось — вона
 По гарбузу имъ, бо неривни.
 Опъ Царь поспавыпъ сповбъ велѣвъ;
 На нѣмъ Царивну посадыбъ:
 »Хпо видьсця іи доспане,
 Той шупъ-же женихомъ ій спане!
 А сповбъ высокій, гепъ-куды!
 Ёго изъ мрамору зробылы,
 И обявылы, щобъ шуды
 Всь Лыцари попрыѣздылы.
 Де въ Бога шой народъ набравсь!
 Немовъ базарь розшаповавсь:
 И шѣснява, и гукъ, и драча!
 Крыкъ, гвалпъ! Такая неспояча! . . .
 Тоди два спаршыи брашы
 Пишлы дывыщця изъ жинкамы;
 А дурень — шожъ. . . . »Куды-то пы?«
 — »Да, бачъ, въ березнякъ за грибами!« —
 Зайшовшы въ лѣсь у гущину, —

Шершынку прыпалывъ одну —
 И кинь явивсь; немовъ-бы зъ неба!
 »Що Пановъ моёму шреба?
 Тупъ дурень въ праве ухо влизъ —
 И, зразу, Королёмъ зробывся;
 Скикъ на коня; а шой — понись . . .
 Де шреба, духомъ опынывся
 Глядышь, а Лыцари кругомъ
 Гарцююць, знай, передъ сповбомъ;
 Розбѣгшыся, чимъ дужъ пидскачуть,
 А все Царивны не доскачуть
 Той розлешѣвшысь обь-земь-брыкъ!
 Той головою въ сповбъ огрѣвся;
 Той навзнычь-лясь! чешвертый-зыркь!
 Якъ снись шой изъ коня зкопывся!..
 Тупъ Лыцарь нашъ, де ни визьмысь,
 Якъ шой орель къ сповбу изывывсь!
 Царивну-хвашъ въ обы-двѣ руки!
 Цмокъ! цмокъ инъ въ гарячы губкы!
 Вона жъ — шыць перспынь золошый
 Ёму на палець, и еказала:
 »Теперь мынѣ шы не чужый!
 И пылно въ вичи заглядала

А опъ кинь ихъ къ Царю прымчавъ:
 Легесенько Царивну знявъ,
 Поклонъ на всѣ чопыри боки,
 Да встремня скикъ, скорѣй навскокы!...

»Опъ побѣ на! Ловишь! Ловишь!...«
 Всѣ разомъ въ голосъ загукалы;
 Тупъ де-якы за нымъ у-слѣдъ
 Бѣжяшь.... бѣжяшь.... ша не догналы!...

На другой день Царь розыславъ
 За Лыцаремъ слугъ на вздогону,
 И кожду хашу прыказавъ
 Оглядовашъ не те — дасъ гону!...
 »На пальцѣ перспынь буде мапъ,
 Весь золопый — ёго не зняпъ! . . . ,«
 Розсыпалысь воны, лѣшаюпъ;
 Ни ѡдного двору не мынаюпъ;
 Опъ къ прѣмъ брапамъ воны прышлы, —
 Усѣ имъ пальцы оглядѣлы:
 Щожъ? Якъ? — У дурня изнайшлы!
 Сердечныи попоропилы!

Але, бачь: ничего робышь;
 Пишли Царевъ доложыть;
 А Царь дочку велѣвъ позвапы
 И — молодого показашы:
 Царивна въ плачь: »Цурь! Пекъ ёму!..
 Зиспанусь дѣвкою довѣку!
 Нехай не буду никому,
 Нижъ мужомъ мапъ сѣго калику!
 — »Ой, доню, ни!« — Царь ий сказавъ;
 »Винь пвѣй, бо самъ шебе досшавъ;
 Не рюмай же! Такая доля!
 На все е, певно, Божа воля!
 Гоповся завпра икъ вѣнцю!
 Дѣвычъ-вечирь сѣгодня буде;
 Позвапъ швыдчій музыку всю!
 Да щобъ збиралыся и люде!«

Давно день къ вечору звернувъ.
 Опъ ничь покрыла всѣ дороги;
 На небѣ мѣсяць, опъ, нырнувъ . . .
 Опъ высшавывъ зъ-за хмары роги...
 Зиркы, те й дѣло, що юляпъ:
 Покажуцця, па въ хмары вляпъ;

Не мовъ бы вамъ у самимъ дѣлѣ ,
 Дразнылы пѣхъ , що на весильмѣ :
 Якъ мѣсяць , — шежъ и молоды —
 Сюды - пуды воны заглянуць ;
 Якъ зиронькы , — шежъ й дѣвонькы —
 То защебечуць , перестануць ,
 То впаць почнуць , шо впаць мовчяць .
 Теперъ воны собѣ сыдяць
 За короваемъ , и спѣваюць !
 Бо выльце вышы починаюць :

Поможы намъ , Боже !

Дыпля оддавашы ;

Поможы намъ , Боже !

Вылечкы почашы .

Нихшо не вгадае ,

Що на выльцяхъ зле ;

Золошы корни , верхы ,

Срибны лылеточки

Безъ вѣшперка маюць ,

Безъ сонечка зяюць . . .

Выйды наша , Панко , погляды ,

Чы хороши вылечкы извылы ;

Колы нехороши — розирвемъ :

Мы щобъ кращи изовьемъ !“ . . .

Ничого ! наша молода
 Мовчыць , горюе якъ бѣда ! . . .
 И опъ подругы впаць спѣваюць ;
 Такъ иі словами промовляюць :

ПЕРВЫЙ РЯДЪ:

„Не сыды, Панио, бокомъ!
 Се-жъ тобѣ не-нарокомъ;
 Прысунься близенько,
 Дывысь хорошенько!“

ДРУГОЙ РЯДЪ:

„Не плачь, небого !
 Що йдешъ за ёго:
 Нехай, лишь, плаче вить, . . .“
 Що бере лыхо иъ двирь. . . .

Але , якъ пѣсень ни шялы , . . . !
 А молодой не могли

Ни принычки розвеселышы :
 Да й якъ, паки, зъ нелюбомъ жыпы ?
 Зъ нелюбомъ ни поговоришь ,
 Ни долею зъ нымъ подѣлыцца ,
 Ни серцемъ къ серцю попужышь ,
 Не-хопя въ вичи заглядѣцца ;
 Що день, що часъ, въ господѣ-громъ,
 А шупъ - все пиде вамъ гайномъ. . . .
 «Ой ни! швыдчій писокъ изыйде ,
 Нижъ за нелюбомъ счастья прыйде!...“
 Такъ говорила у викна
 Зъ собою наша молодая !
 Теперъ вона споить одна ,
 Якъ на полѣ былынка тая ;
 Всѣ розійшлись , все вклялось спать ;
 Нигде ничего не чувають ;
 И пилькы бѣ - то козацьке сонце
 Глядѣло зъ неба у виконце.
 Опть!... цыпъ!... Не-мовъ-бы шупжышь
 що-сь !

Не-мовъ-бы орлыця горкуе !
 Цссс ! . . . опть луною роздалось !
 Опть що-сь не-мовъ-бы-то сумуе !

„Кохавъ мене башько, якъ бѣлу пополю:
Ой оддала мене машы въ шяжку неволю!

Ой машы, машы! що пы гадала,
Що за нелюба за-мижъ оддавала?...

Десь пы мене, машы, въ барвинку купала,
Купаючы прокльынала, щобъ доли не мала.

Ой машы и пр.

Десь пы мене, машы, на мѣснѣ купыла,
Що пы мене, моя машы, на вѣки вшопыла.

Ой машы и пр.

Лучче жъ мынѣ, машы, шяжкый камень
зныпы,

А нижъ мынѣ изъ нелюбомъ да вѣкъ коро-
пашы.

Ой машы и пр.

Лучче жъ мынѣ, машы, гарячъ камень ѣспы,
А нижъ мынѣ изъ нелюбомъ вечеряпы сѣспы...

Ой машы и пр.

Ни свѣтъ, въ недѣлю, ни зоря,
 Дружко у комнашу заглянувъ:
 Все пусто..... а къ вѣнцю пора, —
 Да молодой якъ въ воду канувъ!...
 Де винъ? куды и якъ дѣвась?
 Пропавъ и слѣдъ!... весь двирь пиднявсь...
 Царю, Царыцѣ доложили,
 Що молодого упустили.
 Якъ ни було бѣ, а хочъ и Царь,
 Хочъ у ёго всёго доспапно, —
 Але паки прыпасу жаль,
 Жаль, дуже жаль! все пиде марно!...
 А якъ-шо хороше були,
 Усѣ зибрались погуляти!
 Весилья бѣ бучне ушляи;
 Якъ спали бѣ шпuky выкидашъ!...
 Теперъ заразъ весь ладъ пропавъ;
 Нибы мерпвець на спилъ упавъ!...
 Гай-гай! пы тее па онее,
 А Бигъ зусѣмъ тобѣ другее!...
 Колы, осѣ-сь орломъ лепышъ
 У двирь нашъ Лыцаръ, и крычышъ:
 »Добры-день вамъ, мои Панове!

А що, чы все у васъ гопове?
 Де мылая, кажиць, моя?
 Мабуць, бѣднессенька, горюе?..“
 Царыця, Царь и вся ридня
 Выходяць — винь ихъ всѣхъ цѣлуе;
 За нмы жъ шупа на крыльце
 Й Царивна зъ нянькою иде:
 Вона ничогонько не знала, —
 А шилькы—зыркь! — такъ къ ёму й
 пала. . .

Ой якъ же мицно обнима!
 Ой якъ же цупко рученькамы
 До серця свого прыгорпа!
 Своимы карымы очамы
 Якъ пылно-шо ёму глядыць!
 Голубонька! якъ лыспь дрыжыць! . . .
 Глянъ — рученькамы обвылыся!
 Въ губонькы губкамы впылыся! . . .

Ошшупь-шо вже й-къ вѣнцо пишылы:
 Передъ пресполомъ Божымъ спалы,
 Тры разы кругомъ обвелы,
 На вѣкы ручки имъ звязалы. . . .
 И, опть, вертаюцьця назадъ:

Спарый й малый весилью радъ;
Музыкы пѣсьни имъ играють,
А жиночки собѣ спѣвають:

„Ой машы, машы, машы спарал!
Лешышь голубка зъ шецлого края:
Накрывай шполы коврамы;
Не саму йду — зъ друженьками.

Ой машинико-ушко!
Ворочайся хушко;
Сонечко низенько,
Дружечкы близенько! . . . “

Попимъ велькый бувъ бенкепъ:
Всѣхъ щырымъ серцемъ Царь прыймае;
Паны пылы наливку, медъ,
Народъ горѣлочку кругляе. . . .

И я шамъ бувъ;
И медъ я дувъ:
По бородѣ шекло,
Да въ рошѣ не було! . . .

КАЗКА

ПРО МАЛЕСЕНЬКОГО ЙВАСЯ, ЗМІЮ,
ДОЧКУ ІН ОЛЕСЮ ТА ЗАДНИХЪ
ГУСЕНЯТЪ.

Възможно е да се намери това
възможно е да се намери това
възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това
възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

ОТМЕ
Хотъ мале, да узловаше

ВЪЗМОЖНО Е ДА СЕ НАМЕРИ ТОВА

ВЪЗМОЖНО Е

Възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

Възможно е да се намери това

Якъ живѣ собѣ дѣдъ да бабуся,
И мавсь у ихъ одынь сынокъ:
Винь звався проспо Ивашокъ;
Першь всёго за ёго прыймуся.
Винь любая дыпына бувъ,
Така, що ще нигде й нечувъ...
Сыдышь собѣ, знай, все пыхенько;
Никого пальцемъ не шоркне;
Глядышь у ложку — не змыгне;
Чы їсь, чы пье — все чыпурненько...
Мы жъ дѣпымы — бѣгаемъ, крычымъ:
Зимою грынджола пашымъ,
Або громакъ, або санчяпа,
Щобъ стрѣлкою зъ горы лешѣшь;
Або — маршь кучкою глядѣшь,
Якъ въ боки вѣѣлыся хлопяпа!
А якъ овсянка — чыркъ нидь нись:
„Покинь санкы, берысь за визь!“

Чужы дѣшвора, власно мухы,
 На двирь лепяшь попусовашь;
 Давай въ опуку, швайку грашь!
 Геть чобопы! Геть и кожухы!
 Тупъ гылкы, каша, городокъ,
 Хпо до павивъ, хпо до цуроку,
 Хпо булку въ дучечку гание,
 Хпо у крагли, хпо у лозу,
 Хпо въ шрояна, хпо у мепу,
 Хпо въ хрещыкъ зъ дѣвонькамы грае.
 Обѣдашы хочъ не просы . . .
 Прыспалы мовъ-бы до косы!
 Глядышь — у пужьмиркы розбѣгмысь
 По цѣлому шобѣ селѣ;
 Тѣ одъ джгуша нибы въ огнѣ;
 Тѣ въ шѣсну бабу заходьмысь;
 Тѣ въ гуркала, шѣ въ маршалкы,
 Тѣ въ кремняхы, а де-якы
 Колодязь ножыкомъ копаюшь;
 Тѣ въ горю-дуба, у гусей:
 Опъ вовкъ зикрався до дѣшей . . .
 А тѣи сонце запускаюшь! . . .
 Увисинь шая-жъ пѣсьня впаць:

До скобзалкы, да до санчяпъ . . .

Инакъ зуѣмъ рисъ, годовався
 Нашъ Иващокъ: винъ пилькы й знавъ
 Смешпанку, молочко вбиравъ,
 Да въ човнѣ зъ шапомъ просвѣщався;
 Бо змалечку привыкъ къ водѣ:
 Часписинько ночей по двѣ
 И вспавъ и лигъ собѣ у човнѣ;
 Колы не зъ удкою, зъ сачкомъ,
 Дакъ зъ вершою, изъ япиркомъ,
 А шамъ въ госпуду й ѣде вповнѣ. . .
 Такъ винъ день за день жывѣ да жывѣ,
 Никуды зъ хапы не ходывъ,
 Опричь, якъ я казавъ, ловышы,
 Сперва овсяночку, а шамъ
 Давався знацьця й пливочкамъ;
 Щобъ неньцѣ що було варышы.
 Зъ другымы жъ дѣпшымы винъ не знавсь,
 И въ грыща зъ имы не вязавсь:
 Мовъ-бы, побѣ, другого роду,
 Мовъ-бы, кажись, письменый бувъ!
 А пожъ-й про вжыцю нечувъ;
 И пилькы бѣ-шо и знавъ, що воду! . . .

Було колы якъ розъѣжжае, —
 То машинка гноди ёго,
 Набравшы въ ковшыкъ усёго,
 Несе къ ёму, и такъ спѣвае:

„Сынку-сынку, Ивашечку!
 Приплынь-приплынь икъ бережку!
 Несу побѣѣшы, кышы,
 И хороше походышы. . .“

И опѣ лебедонькомъ плыве:
 Поѣсть, попье, и впяшь польне. . . .
 Такъ все въ обѣднюю годину,
 Вона кормыла Ивася;
 Але! разъ гаспыдська змѣя
 Назырыла ии дышыну:
 Ну мудрувать, якъ бы доспавъ,
 Якъ Ивася бѣ-шо въ лабѣшы взявъ..
 И шупа зъ дуру, нависная,
 Й собѣ спѣвать якъ мамы — ну!
 И всебѣ-шо пѣсьню шужь одну. . . .
 Да голосомъ була не шая:
 Бабуся шонко, гешъ, спѣва, —
 Вона жъ нибы бугай ревла:

„Сынку-сынку, Ивашечку!
 Приплынь, приплынь икъ бережку;
 Несу шобъ ѣсны, пышы,
 И хороше походышы.

Але, горлыще якъ ни драла,
 А Йвашечко не прыплывавъ . . .
 Тоди, шобъ захидъ не пропасть,
 Икъ ковалю помандровала :

„Ковалю-ковалю! мѣшокъ
 Мерцій надуї, и голосокъ
 Мыцѣ изкуї, шакый якъ мае
 Ивася мапы, а не ше,
 Якъ разъ да два изъѣмъ тебе!“ . . .

Коваль за мѣхъ — и надуває,
 Клищамы пѣгне за языкъ,
 А молошъ по ёму — дзыгъ-дзыгъ! . . .
 И опть змїя худчїй икъ рѣцьцѣ:
 Спѣває понкымъ голоскомъ,
 А Йвась, глянъ, и — гребе весломъ. . . .
 Попавсь, небижъ, якъ мышъ въ засѣцѣ! . . .
 Тоди изъ нымъ — шарахъ у биръ, —
 А въ борѣ шимъ бувъ ей двиръ, —

Двирь сей надъ кручею маячывъ;
 Внизу ревѣла, мовѣ вѣдьмидь,
 Сердыпа рѣчка у всю хипь;
 Кругомъ все пуца; пилькы й бачывъ,
 На одшиби споявъ ѡдынь ѡднымъ,
 Высокій дубъ; а памъ, за нымъ,
 Якъ пая гася-проспяглася,
 Лужына шовкова гепъ-гепъ
 А памъ къ будынкамъ спежка-верпъ!...
 Куды й внесла змѣя Ивася.
 Въ ии, мыланочка, дочка,
 Ни дапъ ни взяпъ, була шака,
 Якъ Ивашокъ; а ей звалы —
 Оленкою: бо поже й въ змѣй,
 Ма-бушь, якъ въ насъ, е йменныкъ свѣй...
 Тушь радыщця зъ собою спалы —
 Дочка и мапы, якъ звеспы
 Ивася зъ свѣна: „Ну, спекшы!“
 Сказала мапы своѣй доньцѣ;
 „Гляды мынѣ, покы вернусь,
 Щобъ Йвась уже не ворохнусь!“ . . .
 Опъ ша ёго й веде къ лопащцѣ;
 Сажа, а винъ и ну бочкомъ,

То догоры, по живошкомъ !
 „О, що бо пы, Ивасю, робышь ?
 Мовь, справди, вже сыдѣшь не зна !
 Нащо, пакы, пака мана ?
 Нащо, пакы, мене морочышь ?
 — „ Да Богъ же Мыну, мынѣ, вбый !
 Колы симъ думавъ я який
 Глумъ надъ шобою пидіймапы ! “
 Сказавъ Ивась; „Да що почашъ,
 Що не впоропаю сѣдапы ?
 Ипъ чомъ мынѣ не показапы ?
 Тоди бѣ, Олесю, й я умѣвъ, —
 Гарнесенько бѣ собѣ сыдѣвъ ! “
 Олеса жъ зъ дуру шупъ и сѣла,
 Вхопывшысь гаряче за рѣчь, —
 А той мерцише — бурхъ у пичь !
 Отъ матерѣ, побѣ, й вгодыла ! . . .
 Йвась поимъ зъ хапы, да на дубъ —
 Забравсь, геть, въ самый ёго чубъ . . .
 Сыдынь, а ни чычыркъ на гильцѣ . . .
 Колы, осѣ сь лепынь й змїя, —
 И-прямо пала де мнясьця :
 Такъ склалась содухы Оленьцѣ ! . . .

Напρισкавшысь до очкура,
 Глян-глянь пидь дуба и чвала . . .
 Роздѣлася ажъ до серочки,
 И — гайда гвалпомъ на праву!
 Качаецця, якъ шой въ рову,
 Одъ повной ѳддирвавшысь бочки . . .
 Вона кача, вона валя,
 Зъ собою въ голосъ розмовля:

„Покочуся, повалюся,
 Иваєчыного мясьця наѣвшыся!“

А Ивашокъ изъ верху ій
 Такъ голосокъ й спускае свій:

„Покопыся, повалыся,
 Оленчыного мясьця наѣвшыся!“

Змія слова ёго й почула;
 Сюды-шуды очмы зорыць —
 Бигъ дасць! А далѣ-зыркъ! сыдыць!
 Якъ куля къ ёму полынула . . .
 Ну грызпы дубъ, кусаць, ревьць . . .

Да ба! Зубамы не звалышь! . . .
 Тоди впаць коваля згадала,
 Якый ій голосоць зкуваць
 И якъ Ивася винь піймавъ;
 Не гаясь къ ёму почвалала;

„Ковалю - ковалю! зкуй зубы
 Залѣзныи, а мѣдны губы;
 А шо, якъ не зкуешъ мыгъ, —
 Зпечу тебе въ оцимъ огнь!“...

Опяць коваль за общенькы, мѣхъ:
 Зибравъ челядныкивъ усьхъ;
 Працююць, бѣдны, молошамы:
 Одынъ - ѳдынъ зубъ, другый - другый,
 А майсперь-самый коренный;
 Насыму вправымысь зъ зубамы! . . .
 И опъ лешыць, права шумыць;
 Ни живь, ни мершвъ, Ивась сыдыць . . .
 Вона грызе, а винь сумуе,
 Гада, небижъ, якъ бы спасысь,
 Якъ зъ гаспыдомъ бы розійшысь,
 А шо теперь, навярмъ, зплюндруе....

Изъ ропту пѣна шакъ и скаче ;
 Надъ головою воронъ кряче ;
 Дывысь — на деревѣ повысла ,
 Клубкомъ кругъ ёго обвылась ,
 Якъ па жабыще надулась
 Опъ половину перегрызла
 Опъ дубъ, глянъ, хымыщця на бикъ....
 Ага, ага ! Ащо ? Чы впикъ ?
 Осё-сь я доберусь до тебе !
 Вже жъ вѣтвсь въ печинкы шы мынѣ !
 Бачъ — побѣтвѣ !... Ану, къ землѣ !...
 Гибъ миръ ! Мерщій ! Спрыбай видъ себе ! “...

Колы , опъ гусы и лешяць
 Давай ихъ жалибно прохатъ :
 „Гусы-гусы , гусыняшѣ !
 „Визьмишь мене на крыляша :
 „Несишь мене до башенька ,
 „А въ башенька - ѣспы - пышы
 „И хороше походышы ! “ . . .

— «Хай задніи,» — воны гергечушь, —
 «Тебе берушь! « Винъ къ имъ, а шѣ

Сказали пежъ, що й першы всь,
 Такъ часпо й люды намъ лепечуть.
 Хоть пропадай побъ зъ бѣды, —
 А помочы одъ ихъ не жды! . . .
 Буває Йвасевого гирше:
 И скибочкы въ рукахъ нема, —
 А кожый по шыямъ займа!
 Оддався бъ чоршу, абы инше! . . .

Ни! небораць нашъ не загынувь: —
 Ёго задрышаны взяли, —
 Къ опщевъ, мацыць понесли;
 А дубъ объ землю гуркъ-и гримнувь! . . .
 Змія къ ёму. . . — эге! Шукай! . . .
 Теперь якъ й звали — помынай! . . .

Говоряць, що вона одъ сѣго
 Въ такий поди була журьбъ,
 Що смерть накликала собъ. . .
 И носе! — хпо бажа чужого! . . .
 А Йвась до дому прылешъвъ,
 Якъ дѣдъ зъ бабусею дѣлыть,
 На лавцѣ, сыдя кры виконьця,

Гарячы взы сыромъ пирожкы;
 Спара, совала взы пичы горшкы;
 Жалкуючы, що въ хашъ хдопця,
 Ивашечка, нема теперы:
 „Де въ Бога винъ!“ — „Аде? Умеръ!“
 Спаренькый взы сердцемъ видмовляе;
 И зве ии до! пирожкы;
 „Ой ни, спарый! Винъ жывъ!“
 Мынъ серденько промовляе! “

— „Чы жывъ, чы ни! а бувъ шакий!..
 Дасъ Бигъ — въ насъ буде и другый!..
 Иды-жъ-иды, щобъ не просшымы!..
 Оце тобъ, а це мынъ!..
 А Йвась въ вѣкно: „А щежъ мынъ?..“
 — „Що шамъ? — “ „Тоймышы занот-
 рымы!“

Але! Що прыймуцьця дѣмцыця,
 То впаць Ивась имъ и крычыць,
 „Якъ хочъ, спара: мынъ корпыць!“
 „Пипы собъ ще подывыць!“
 И шилькы, що у двери — ныкъ!
 Пиднявсь зусиль гусыный крыкъ!..

Давай винь тупа ихъ гаяны . . .

Колы - гулькь пидь викно! — Ивась !

»Ой сыночку! Де ты узавсь ? . . .

»А мы збиралысь помынашы «

Тупь поряду винь розказавь;

Вь яку халепу бувь попавь ,

Якь налешьлы гусыняпа,

Якь винь мольвь себе узяпъ ,

Якь рвалася змїя доспапъ ,

И якь винь сѣвь имъ на крыляпа . . .

За сее дѣдъ и баба ихъ

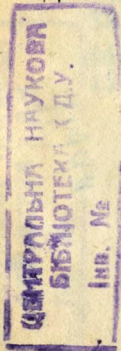
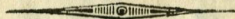
Глядяпъ немовъ дѣтей своихъ :

Овесъ, пшыныцю, гречку носяпъ

Самы жъ зъ сынкомъ своимъ живушъ :

Кохаюцьця и хлѣбъ жуюшъ ,

Да посполомъ добро, знай, возяпъ

Давай вина шута ихъ танца...
 Котъ - тумъ пидъ вино! — Пидъ...
 Ой сынокъ! Де ты узяе? ...
 А ты збѣдѣе поманише...
 Тумъ побѣдѣе винъ роздѣе;
 Ва яку халѣу гуръ поина;
 Ихъ палѣеи тумъ...
 Ихъ вина коларъ еде уина;
 Ихъ бездѣе змѣ дошине;
 И ва вина еде нѣ коларъ...
 За еде нѣ и еде нѣ...
 Тумъ немоу тумъ...
 Овѣе, тумъ...
 Сми же зъ сынокъ емоу...
 Котъ нѣ и хлѣбъ жалѣе;
 Да постоюмъ кодоу, змѣ, роздѣе...

ПОМЫЛКЫ.

Напечатано :

А треба :

Стран. стр.

XV	12	гуспыною	хуспыною
XIX	10	зь кимъ-сь	зь кымъ-сь
8	12	Царевъ	Цареви
4	20	на печѣ	на печи
8	1	по Царевъ	по Цареви
17	13	ничего	ничого
18	12	Послѣдню	Послѣдню
23	3	Пановъ	Панови
27	12	идеѣ	идеѣ
29	9	на вѣки	навѣки
31	21	На вѣки	Навѣки
37	3	Нашъ	Нашъ
38	3	въ ковышкѣ	въ кошкѣ
44	6	половину	половину
45	11	Къ опцевѣ	Къ опцевѣ

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.

№ 26616

~~БІБЛІОТЕКА~~
Українського Інституту
МРЕ

9143

